

ЛИЯ КИМ

ЛАВКА УЩЕНЁННЫХ ИМЁН

ДРАКОН ПОД ГОРОДОМ

КНИГА 1

Лия Ким

**Лавка уценённых имён.
Дракон под городом. Книга 1**

«Автор»

2026

Ким Л.

Лавка уценённых имён. Дракон под городом. Книга 1 / Л. Ким —
«Автор», 2026

Есения Лек приходит в муниципальную лавку уценённых вещей как временный человек: просто пересидеть, не спорить, дожить до зарплаты и больше не быть правой там, где правота ничего не меняет. Но однажды в лавку приносят старый радиоприёмник «Рекорд», который без электричества повторяет название места, выведенного из карт, реестров и человеческой памяти.

© Ким Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пока временная	5
Глава 2. Рекорд	8
Глава 3. Не принимай вещь без имени	11
Глава 4. Проверяющий	13
Глава 5. Сорок две минуты	16
Глава 6. Карта без деревни	19
Глава 7. Смеяна шумит	21
Глава 8. Открытая строка	23
Глава 9. Дело 97-б	26
Глава 10. Ольховый лог	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лия Ким

Лавка уценённых имён.

Дракон под городом. Книга 1

Глава 1. Пока временная

В бухгалтерии муниципального управления пахло дешёвым мылом, мокрой шерстью и бумагой, которую трогали слишком многими руками.

Есения стояла у стола с пластиковым бортиком и держала синюю папку так ровно, будто от этого зависел курс рубля. Перед ней лежал журнал выдачи, рядом - печать с треснувшей ручкой, стакан с ручками и календарь за прошлый месяц. За окном стекала серая вода по грязному стеклу. В коридоре кто-то кашлянул, кто-то попросил «только спросить», кто-то толкнул дверь плечом и втащил в очередь запах мокрого табака.

Бухгалтерша - маленькая, аккуратная, с уставшими глазами - листала её документы и говорила тем голосом, которым просят передать соль.

- По авансу пока нет возможности. Вы по временной ставке, испытательный срок. Начисление после закрытия периода.

Есения кивнула.

- Я понимаю.

Женщина посмотрела на неё поверх очков, почти с сочувствием, но так, чтобы сочувствие ничего не стоило.

- Ну вы же сами понимаете.

Есения понимала. И именно это было под дых.

Раньше она бы не кивала. Раньше попросила бы положение, пункт, дату приказа, подпись начальника отдела и объяснила, почему «временная» не отменяет коммуналку, еду и человеческий обмен веществ. Раньше она умела спорить так, что у людей в кабинете становилось жарко без батареи.

Раньше она была права.

Это ничего не изменило.

Она забрала папку, сказала «спасибо» и вышла в коридор, где на стене висело объявление: «Уважаемые посетители! Просим сохранять спокойствие и уважать труд сотрудников». Объявление держалось на одном скотче и смотрело на очередь как плохая шутка.

На улице шёл мелкий, липкий дождь, какой бывает только в Лебграде - не ливень, а настойчивое напоминание, что лето в этих краях вопрос спорный. Асфальт блестел, трамвай у площади взвизгнул на повороте, мужчина в куртке цвета мокрой земли ругался на зонт, который выворачивало ветром.

Есения дошла до киоска у остановки и купила самый дешёвый чай в пакетиках. Продавщица выдала пачку как мелкую сдачу к чужой жизни.

- Пакет нужен?

- Не надо.

Пакет стоил три рубля. Три рубля сейчас имели характер.

Она шла к лавке через старый рынок. Под навесами шумели продавцы, на мокрых коробках стояли огурцы, рядом с ними - провод, старые вилки, кнопочные телефоны, детские сапоги без пары и кастрюля с крышкой, которая точно была от другой кастрюли. Город умел жить из того, что осталось.

Вывеска «Муниципальная уценка» была облупленной на буквах «ципал», поэтому изда- лека казалось, что это просто «Муни... уценка». Местные и без вывески знали, где она.

Есения отперла дверь связкой ключей, где один всегда заедал, второй делал вид, что глав- ный, а открывал почему-то третий. Внутри было тепло от старой батареи и пыльно от времени. На верёвке висели карточки, шуршали от сквозняка. На полках - чайники, рамки, радиодетали, стопка тарелок с золотым кантом, который давно стерли ложками. В коробке «непонятное» лежали латунный крючок, сломанный компас и фарфоровая рука от манекена.

На кассе пылился аппарат, который иногда работал от настроения. Под кассой стояла широкая баночка с солью. Белой, как в рекламе, она не была никогда. Рядом - моток чёрной нитки, толстый, как маленький кулак.

Кружка Устины Савельевны стояла на том же месте, где всегда: у подоконника, возле батареи. Бежевая, с отколотым краем, от которого можно было порезаться, если пить не думая. Есения в неё не наливала. Просто мыла иногда.

В журнале приёма последняя запись была вчерашней: «Таз эмалированный. Скол по борту. 60 руб». Почерк Есени - ровный, сухой, как справка.

Она включила чайник со сколом, открыла пачку дешёвого чая и уже потянулась за круж- кой, когда дверь звякнула.

Вошла женщина лет пятидесяти с сумкой на колёсиках. Щёки красные от ветра, пальцы вязаных перчаток без кончиков, на лбу след от шапки.

- Здравствуйте. Принимаете?

- Принимаем.

Женщина подтянула сумку к прилавку, расстегнула молнию и вытащила старый радио- приёмник «Рекорд». Корпус с трещиной, тканевая сетка пыльная, ручка настройки потёртая до металла.

Есения машинально взяла его двумя руками и удивилась весу. Для такого старья он был слишком тяжёлый, будто внутри лежал не трансформатор, а кирпич.

- Работает?

Женщина пожала плечами, потом наклонилась ближе и сказала тихо, будто стыдно.

- Он ночью название говорит.

Есения подняла глаза.

- В смысле, станцию ловит?

- Я сначала думала - помехи. Потом поняла - не помехи. - Женщина дернула ручку сумки.

- Две недели. Ровно в три с чем-то. Один и тот же звук. Слово как... как из старых карт. Я его вслух уже боюсь.

Есения положила приёмник на прилавок, открыла карточку и взяла ручку.

Карточка уценки № 17

Предмет: радиоприёмник «Рекорд», 1967 г.

Состояние: корпус с трещиной, ручка настройки заедает.

Причина уценки:

Она написала: «говорит ночью».

Посмотрела.

Чернила легли слишком честно.

Есения сжала губы, провела линию, зачеркнула и сверху вывела привычное, безопасное: «неисправность звукового тракта, характер повторяющийся».

Женщина следила за ручкой, как за ножом.

- Так лучше?

- Для отчётности - да.

- А для меня?

Есения задержалась с ответом на секунду.

- Для вас он больше здесь не будет.

Женщина кивнула, будто ей предложили не решение, а передышку. Подписала акт передачи, забрала деньги и ушла, катя сумку, которая теперь была пустой и почему-то шумела громче.

Есения убрала приёмник на стол у стены, рядом с коробкой «электро». Закрыла карточку, подколола на верёвку. Взяла кружку, залила чай, сделала глоток и скривилась - вкус бумаги, кипятка и терпения.

К вечеру дождь стал гуще. В лавке никого не было. Радиоприёмник стоял выключенный, шнур свисал вниз, вилка не дотягивалась до розетки.

Есения проверила кассу, пересчитала мелочь, закрыла журнал, потянулась выключить свет в зале.

И тут из «Рекорда» коротко шипнуло, как будто кто-то выдохнул в старый микрофон.

Потом тихо, чужим металлическим шёпотом: «...Сиверга...»

Она замерла с пальцем на выключателе.

Тишина.

Есения медленно обернулась, подошла, проверила вилку - она по-прежнему болталась в воздухе.

- Отлично, - сказала она вслух пустому залу. - Теперь у нас и техника без электричества на подработке.

Под кассой едва слышно хрустнула соль. Есения присела, выдвинула банку и увидела по краю тонкий серый ободок, которого утром не было.

За окном звякнул трамвай.

Внутри лавки стало чуть теплее, чем должно быть в конце рабочего дня.

Глава 2. Рекорд

Утром «Рекорд» стоял на том же месте и делал вид, что он просто старое железо.

Есения открыла лавку на десять минут раньше, чтобы никто не видел, как она разговаривает с техникой.

- Доброе утро. Сегодня ты ведёшь себя прилично.

Она сама поморщилась от собственной фразы, включила в розетку удлинитель и подключила приёмник. Красная лампочка мигнула, зашипело, поехали местные новости про ремонт теплотрассы, курс картошки и перекрытие дороги на выходные. Всё было настолько обычным, что вчерашнее слово можно было списать на усталость.

Ручка настройки, правда, заедала в одном месте. Чуть вправо - и снова «щёлк», будто внутри что-то упиралось.

К десяти пришли первые покупатели. Мужчина в куртке автомеханика долго торговался за чайник со сколом.

- Он же бэушный.

- Он рабочий, - сказала Есения.

- И нос у него сбит.

- У вас тоже.

Мужчина фыркнул, потом рассмеялся и всё-таки купил чайник за сто двадцать. На выходе чайник издал короткий глухой звук о дверной косяк, как будто выражал отношение к сделке.

Потом зашла пенсионерка за рамкой для фото, мальчик за кассетами и соседка из булочной за стеклянной банкой «для закваски». Лавка жила обычным днём: мелочь звенела, дверь звякала, кто-то просил «поглядеть», кто-то рассказывал лишнее.

В обед Есения полезла в нижний ящик стола за бланками и наткнулась на стопку старых карточек Устины Савельевны. Плотная бумага, почерк резкий, с нажимом, словно каждую букву вытаскивали щипцами.

Карточка уценки № 24

Предмет: половник алюминиевый, ручка погнута.

Состояние: рабочее, характер скверный.

Причина уценки: кухонная утварь, эмоционально нестабильная.

Примечание: не оставлять рядом с супом, который ещё не простили.

Цена: 40 руб.

Настоящая цена: один разговор на кухне без хлопанья дверью.

Есения тихо выдохнула.

- Ну да, конечно. Эмоционально нестабильный половник.

Следующая карточка была хуже.

Карточка уценки № 11

Предмет: зеркало настенное.

Состояние: трещина по нижнему краю.

Причина уценки: отражает с задержкой.

Примечание: зеркалу зеркала не продавать. Опять начнёт размножаться.

Цена: 80 руб.

Настоящая цена: не лезь.

Есения подняла брови, перевернула карточку и увидела сзади мелким: «Не геройствовать, дура».

- Спасибо за доверие, - пробормотала она в пустоту.

Внизу каждой карточки действительно была графа «Настоящая цена». На новых бланках она тоже печаталась - бледно, почти невидимо, как ошибка макета. Есения раньше думала, что это чья-то старая самодеятельность, которую забыли убрать при перепечатке формы.

К вечеру в лавке осталась сырость, запах старой бумаги и приёмник, который весь день молчал как примерный гражданин.

Ровно когда она запирала дверь на внутреннюю защёлку, лампочка у «Рекорда» сама вспыхнула красным. Шнур был в розетке, но выключатель стоял в нуле.

Из динамика не пошли новости, музыка или реклама.

Пошёл ровный треск, как снег по экрану старого телевизора.

И на этом треске, сквозь щёлканье и шипение, повторилось слово:

- Сиверга.

Пауза.

Снова:

- Сиверга.

Снова.

Есения подошла, убрала громкость, потом прибавила, поймала ручкой настройку на том же месте, где заедало.

- Си...вер...га...

Она достала телефон, вбила «Сиверга Лебград» - ничего, кроме магазина сантехники «Северга», где букву съели ошибкой. В старой карте на сайте города тоже ничего. В памяти - пусто.

Есения записала слово на стикере и приклеила к карточке приёмника.

Потом выключила всё, что можно, и пошла в подсобку за курткой.

Батарея у стены была облупленная, буро-зелёная, с белыми каплями старой краски. Есения сняла с крючка сумку, когда батарея вдруг стукнула.

Один раз. Чётко.

Потом ещё.

Потом три быстрых удара, пауза, ещё два. Тот же ритм, что у «Сиверги» в помехах.

Она присела, приложила ладонь к железу. Горячо. Слишком горячо для конца мая, когда отопление уже давно отключили.

- Сантехник, - сказала она уверенно, как диагноз.

Батарея стукнула снова, медленнее, будто не согласилась.

Есения закрыла подсобку, вернулась в зал, взяла карточку и впервые не сразу убрала ручку.

Карточка уценки № 17

Предмет: радиоприёмник «Рекорд», 1967 г.

Состояние: корпус с трещиной, ручка настройки заедает.

Причина уценки: неисправность звукового тракта, характер повторяющийся.

Примечание: повторяет слово «Сиверга».

Цена: 350 руб.

Настоящая цена:

Она держала ручку над последней строкой долго, пока чернила не собрались каплей.

Потом написала: «уточняется».

И сразу почувствовала себя человеком, который подписал бумагу, не дочитав.

Когда Есения гасила свет, батарея в подсобке стукнула ещё раз - уже тише, как знак о получении.

Глава 3. Не принимай вещь без имени

Ночью Есения просыпалась трижды. Снились не драконы, не провалы под землёй, а обычные вещи: журнал с пропущенной строкой, которой не должно быть, и ручка, которая не пишет там, где надо.

К лавке она пришла затемно, когда рынок только поднимал роллеты, а дворники гоняли по плитке серую воду длинными щётками. В кармане куртки гремели ключи, в пакете болталась новая пачка дешёвого чая.

Внутри было прохладно. Батарея в зале молчала, в подсобке - тоже. Как будто вчерашние стуки приснились и ей, и железу.

Есения поставила чайник, включила настольную лампу и раскрыла журнал приёма на вчерашней странице. Запись про «Рекорд» стояла ровно, под номером 1142.

Ниже - пустая строка.

Слишком пустая. Бумага на ней была чуть ворсистее, как после лезвия. Не порвана, не испачкана - аккуратно выскоблена.

Есения провела пальцем по шершавому месту, подняла журнал к свету. Под слоем бумаги угадывались тени букв, неразборчивые, но живые.

- Прекрасно, - сказала она. - Либо я схожу с ума, либо кто-то делал редактуру в бухгалтерском стиле.

Она полезла за лупой в стол и, сама не зная зачем, заглянула под столешницу. Там, на внутренней стороне, было выведено шариковой ручкой крупно, вдавлено почти до древесины:

НЕ ПРИНИМАЙ ВЕЩЬ БЕЗ ИМЕНИ

Есения откинулась на спинку скрипящего стула.

- Устина Савельевна, вы даже мебель в этом помещении научили давить авторитетом.

В десять открылась дверь. Вошёл мужчина в плаще, слишком аккуратный для рынка и слишком нервный для чиновника.

- Мне сказали, у вас бывает... штука. Та, которая помнит дорогу.

Есения не подняла глаз от журнала.

- У нас бывает чайник, который свистит, даже если в нём нет воды. И табурет, который скрипит заранее. Дороги в разделе «текстиль» временно закончились.

Мужчина смял в руке чек.

- Я серьёзно. Мне нужна вещь, чтобы найти... дом.

- Дом где?

- Там, где его уже нет.

Есения посмотрела на него внимательно. Лицо обычное. Взгляд нет.

- Попробуйте архив.

- Пробовал. Там сказали «не числится».

Он ушёл быстро, как пришёл, оставив за собой запах мокрого одеколona и ощущение незакрытой фразы.

Через полчаса в лавку влетела девушка в зелёной куртке, с огромным пакетом сухарей и старым телефоном, из которого шипел белый шум. Она жевала, щёлкала пальцами и говорила быстрее, чем думала.

- У вас есть батарейки? Не пальчиковые, а эти... круглые, как таблетки для грустных часов.

Есения молча показала витрину.

Девушка, не переставая жевать, огляделась по сторонам так, будто пришла не покупать, а проверять акустику.

- У вас тут тихо слишком, - сказала она и тут же прибавила громкость на телефоне.

- Это называется рабочая обстановка.

- Это называется опасно. - Девушка прищурилась. - У вас за рынком тупик до сих пор на карте?

- До сих пор.

- Врёт карта. Там Соляной переулок. Просто обиделся.

Есения подняла бровь.

- Переулки у нас теперь эмоционально нестабильные, как половники?

Девушка расплылась в улыбке.

- О, вы в теме.

Она бросила на прилавок мелочь, взяла батарейки, уже на пороге обернулась и добавила: «Если сегодня радио позовёт Сивергу - не отвечайте сразу».

Есения замерла.

- Мы знакомы?

- Пока нет. - Девушка постучала пакетом сухарей по косяку, будто ставила отметку. - Я Смеяна.

И исчезла в мокром дворе, оставив в лавке шуршание пакета, белый шум из памяти и странное раздражение.

К обеду приёмник молчал, но у Есении чесались руки от того, что журнал лежал открытым на высокобленной строке. Она достала из шкафа маленькую бутылочку мутной воды без этикетки - стояла у нитки и соли, как ещё одна дурная привычка Устины. Капнула на пустую строку. Бумага потемнела пятном и медленно вернулась к сухому цвету. На секунду под светом проступило: «...верга». Потом исчезло.

- С меня достаточно фокусов на один день, - сказала она и закрутила крышку.

Вечером, когда поток покупателей сошёл на нет, Есения взяла карточку «Рекорда» и, сама не заметив как, поставила рядом свечу. Обычную, хозяйственную, тонкую. Зажгла.

Пламя тронуло воздух. Пахнуло парафином и старой бумагой.

Есения посмотрела на приёмник и, как будто проверяя чужую глупость, спросила:

- С чем пришла?

В лавке было тихо. Очень тихо.

Потом в подсобке один раз стукнула батарея.

Не серия, не ритм - один глухой удар, как печать на документе.

Есения медленно встала, пошла к подсобке, открыла дверь. Внутри пахло железом и чем-то сладким, почти медовым, будто кто-то только что пролил горячий чай на ржавчину.

На столе лежал журнал, который она оставила в зале.

Она не помнила, как его сюда принесла.

Есения открыла страницу с №1142. В высокобленной строке, где утром была пустота, тонко, как царапина, проступило одно слово:

Сиверга.

Чернила были не её.

Свеча в зале коротко дёрнулась, будто от сквозняка, хотя окна были закрыты.

Глава 4. Проверяющий

Утро началось с попытки договориться с реальностью.

Есения сняла куртку, поставила чайник, открыла журнал и сказала вслух:

- Сырость, старые чернила, усталость.

Слово «Сиверга» стояло на месте, аккуратное, как в школьной прописи, и от её объяснений никуда не делось.

Она нашла себе три рациональных версии и одну рабочую: никому не показывать журнал до тех пор, пока не поймёт, кто в этом помещении пишет без ручки.

В одиннадцать в лавку вошёл мужчина в тёмном плаще и с папкой без логотипов. Высокий, сухой, лицо спокойное до неприятного. Волосы коротко стрижены, взгляд внимательный, без вежливой размазни.

- Добрый день. Муниципальная проверка по объектам уценки. - Он показал удостоверение быстро, но достаточно, чтобы Есения увидела фамилию: Шеров Р. Г.

- Конечно. Чай будете или сразу составим акт апокалипсиса?

- Без чая.

Голос у него был ровный, как строка в протоколе.

Есения повела рукой в сторону зала.

- Смотрите. Только с витрины ничего не роняйте, у нас тут половник с характером.

Он не улыбнулся. Прошёл вдоль стеллажей, останавливаясь не у дорогих вещей и не у техники в рабочем состоянии, а у тех, что Есения мысленно уже пометила как «не трогать лишний раз». У зеркала задержался на секунду, у коробки «непонятное» - на две, у приёмника «Рекорд» - дольше.

- Этот поступил вчера? - спросил он.

- Позавчера.

- Оно уже называло?

Есения медленно повернулась к нему.

- Оно - это приёмник или муниципальная политика?

- Вещь.

- Вещи обычно не называют. Вещи обычно шипят, греются и ломают проводку.

Шеров раскрыл папку, не отрывая взгляда от «Рекорда».

- Иногда достаточно одного повтора, чтобы начался процесс.

- Какой процесс?

- Нежелательный.

Есения фыркнула.

- Очень удобный термин. Подходит к трём четвертям жизни.

Он всё-таки посмотрел на неё прямо.

- Я рекомендую не слушать повторяющиеся сигналы. И не фиксировать их в открытых карточках.

- Это рекомендация, угроза или инструкция к принтеру?

- Процедура.

Её передёрнуло от интонации - слишком знакомая, слишком правильная. Так говорили люди, у которых любая беда помещалась в пункт 4.3 приложения.

Есения взяла карточку «Рекорда» и положила на стол.

- У нас всё фиксируется. Это, знаете ли, магазин. Здесь бумага важнее нервов.

Шеров пробежал глазами по строкам, остановился на графе «Настоящая цена: уточняется», потом нацарапанном сзади «Не геройствовать, дура». На долю секунды его лицо изменилось - не испуг, не злость, что-то похожее на удар под рёбра. Он тут же закрыл выражение.

- Кто писал эту пометку?

- Не я. Предыдущая заведующая.

- Где она?

- Если бы знала, сдала бы в отдел кадров вместе с ключами.

Шеров кивнул, будто получил подтверждение давно известному пункту.

- Лавку лучше закрыть сегодня раньше.

- Зачем?

- Чтобы не увеличивать количество свидетелей.

Есения скрестила руки.

- У нас до семи по графику.

- Закройте раньше семи.

- Это уже звучит как распоряжение.

- Пока - как просьба.

Он сказал это тихо, и от этой тихости было хуже, чем от крика.

Есения отвернулась к кассе, сделала вид, что пересчитывает мелочь. В груди поднялось знакомое, старое желание спорить до конца, вцепиться в формулировки, вывернуть их и положить обратно на стол. Она сжала монеты, пока металл не впился в ладонь.

- Знаете, что самое смешное? - сказала она, не глядя на него. - Вещи хотя бы честные.

Не прикидываются, что «сами понимают».

Шеров ответил после паузы:

- Честные вещи убивают не хуже лжи. Если их слушать без подготовки.

Прекрасно, подумала Есения. Ещё один человек, который разговаривает как методичка к катастрофе.

В этот момент «Рекорд» щёлкнул. Сам. Вилка была вынута - Есения лично отключила его утром.

Лампочка под шкалой загорелась тусклым красным.

Из динамика пошёл белый шум, потом короткий скрип, и ясно, без помех:

- Сиверга.

В лавке стало тихо, как в пустом подъезде в три ночи.

Шеров побледнел. Не драматично, просто кровь отхлынула от лица, и пальцы на папке сжались сильнее.

- Вы это слышали? - спросила Есения.

- Да.

- И что это?

Он посмотрел на неё так, будто выбирал между правдой и инструкцией.

- Место, которое не должно говорить первым.

Батарея в подсобке ударила три раза, пауза, ещё два. Потом не ритм - обрывок, глухой и тяжелый, как слово, которое пытаются протолкнуть через железо.

Есения различила только конец: «...ди...»

Шеров закрыл папку.

- Я повторю. Закройте лавку раньше семи.

- А если нет?

- Тогда вечером вам ответят. И не факт, что тем языком, который вы привыкли записывать.

Он развернулся к двери, остановился на пороге и, не оборачиваясь, добавил:

- Не оставайтесь одна.

Дверной колокольчик звякнул. Плащ скользнул в мокрый свет улицы, и Шеров растворился в рынке, как будто его и не было.

Есения постояла среди полок, карточек и запаха сырого картона. За окном трамвай прошёл по повороту, оставив в стекле дрожь.

Она выключила «Рекорд». Лампочка погасла.

Пошла в подсобку закрыть кран - там с утра капало.

Горячая вода хлынула сразу, густая, будто открыли отопление в июле. От пара в маленьком зеркале над раковиной поползло мутное пятно. Запахло железом и чем-то медовым, хвойным, неуместно тёплым.

Есения протёрла зеркало ладонью.

На запотевшем стекле, рядом с её размытым отражением, тонко проступили буквы, как если бы кто-то провёл пальцем по пару:

ПРИНЯТО.

Она стояла, пока вода не остыла. Потом выключила кран, вытерла руки о полотенце, вернулась в зал и перевернула табличку на двери.

«Закрито».

До семи оставалось сорок две минуты.

Глава 5. Сорок две минуты

До семи оставалось сорок две минуты, и это были самые длинные сорок две минуты в жизни человека, который просто хотел закрыть смену, пересчитать мелочь и уйти домой.

За дверью шаги то приближались, то уходили. Два раза дёрнули ручку. Кто-то подёргал сильнее, потом постучал костяшками.

- Эй! Написано же до семи!

Есения молча стояла за прилавком и смотрела на табличку «Закрито», как будто это не картон, а решение суда.

Ей было неловко. Нелепо. По-взрослому стыдно. Женщина тридцати с лишним лет спряталась в муниципальной уценке от старого радиоприёмника, облупленной батареи и мужчины с папкой, который разговаривает как служебная записка.

Она зажмурилась, досчитала до пяти и пошла в подсобку проверять реальность по пунктам.

Кран - выключен. Сухо.

Зеркало - обычное, запотевать нечему.

Полотенце - на крючке.

Батарея - тёплая, но уже без вчерашней лихорадки.

Вернулась в зал. «Рекорд» стоял на столе у стены с видом прибора, который никогда ни с кем не разговаривал. Вилка лежала рядом.

- Ну конечно, - сказала Есения тихо. - Как всегда. Сначала устроить цирк, потом сделать лицо «я тут просто мимо проходил».

Она открыла журнал приёма на странице со словом «Сиверга». Слово было на месте. Ни новых букв, ни разводов, ни театра. Только рядом, чуть ниже, возле поля с номером акта, появилась короткая чёрная черта. Не клякса. Не случайный штрих. Угол наклона такой же, как у пометок на карточках Устины.

Есения достала из ящика старую стопку, села, включила настольную лампу и начала перебирать.

Карточка уценки № 03.

Предмет: кастрюля эмалированная.

Примечание: крышку не прижимай до конца.

Внизу - та же чёрная черта.

Карточка № 41.

Предмет: детские валенки, пара.

Примечание: не продавать по отдельности.

Внизу - две черты.

Карточка № 77.

Предмет: будильник «Слава», без стекла.

Примечание: не заводить после заката.

Внизу - один короткий штрих.

Она уже почти поверила, что это просто привычка старой заведующей, когда нашла карточку, сложенную вдвое и воткнутую между двумя бланками так, будто Устина оставляла её не для покупателя, а для следующего человека за кассой.

Карточка уценки № 112

Предмет: табличка адресная, эмаль.

Состояние: буквы частично стёрты.

Причина уценки: снята при переименовании.

Примечание: если название пришло без свидетеля - не отвечать сразу. Сначала ищи, кто его забыл последним.

Цена: 25 руб.

Настоящая цена: один живой рот и один честный слух.

Есения перечитала примечание дважды. Потом третий.

- Кто его забыл последним, - повторила она вполголоса. - Отлично. Нормальная задача. Совсем как поиск пропавшего носка, только с топонимами.

За дверью снова стукнули, уже раздражённо. Женский голос сказал: «Да что у них там». Мужчина ответил: «Муниципальное, чего ты хочешь».

Есения усмехнулась без веселья. Муниципальное - значит можно всё объяснить регламентом.

Семь часов пробили не часы, а старый трамвай на повороте. Глухой звон за окном, как отметка в журнале смен.

Она ещё раз прошла по лавке - выключила верхний свет, проверила кассу, подбила дневную ведомость. «Рекорд» не шипел. Батарея не стучала. И именно это выводило из себя сильнее всего.

Предъявили требование, выдали предупреждение и отключились, как колл-центр после жалобы.

Есения потянулась к карточке «Рекорда», чтобы убрать её в папку.

Карточка не поддавалась сразу. Бумага как бумага, но в руке легла тяжело, не по весу. Как влажный картон после дождя. Она перехватила двумя пальцами - тянет вниз. Будто к уголку привязали маленький камень и спрятали нить.

- Нет, - сказала она ровно. - Я в эти игры не играю.

Положила карточку на весы у кассы, которыми обычно взвешивали медную мелочь и метизы. Стрелка дрогнула и сдвинулась до отметки, будто лежит пачка бланков, а не один лист.

Есения сняла карточку. Стрелка вернулась в ноль.

Она выключила лампу, постояла в темноте, слыша мокрый город за стеклом, и приняла решение, от которого было не героически, а почти обидно.

Завтра - карта.

Не батарея.

Не зеркало.

Карта.

Она заперла дверь на верхний и нижний замок, спрятала карточку во внутренний карман папки и ушла под мелкий дождь, крепко держа папку под курткой, как документ, который нельзя намочить даже воздухом.

Глава 6. Карта без деревни

Утром Лебград пах хлебом из ночной пекарни, мокрым асфальтом и сырым картоном на остановках.

Есения вышла из дома раньше обычного, прошла мимо лавки, не поднимая глаз на вывеску, и направилась в архивный квартал. Если спрашивать себя честно, она шла не в архив - шла в старую профессию, которую вроде как оставила.

Трамвай пришёл с опозданием на четыре минуты, что для Лебграда считалось пунктуальностью. Люди заходили, поджимая мокрые рукава. Кондукторша объявляла остановки скучным голосом, а в углу школьник ел булку над раскрытым рюкзаком, нарушая все санитарные идеи муниципалитета.

Есения держала папку на коленях и смотрела в окно на облупленные фасады, киоски, плакаты про ремонт теплотрассы и очередь у аптеки. Город жил, как жил всегда - с авоськами, маршрутами, матом водителей и людьми, которые не успевают высохнуть между дождями.

В краеведческом читальном зале всё было по-прежнему: строгая тишина, скрип паркета, столы под зелёными лампами и женщина за стойкой, которая умела одним взглядом проверить паспорт, намерения и степень вины посетителя.

- Доброе утро. Мне нужны карты района до переименования микроокругов. И старые указатели населённых пунктов.

Женщина взяла её запрос двумя пальцами.

- Период?

- Сороковые - восьмидесятые. По возможности шире.

- Основание?

Есения чуть не сказала «радио говорит по ночам». Вместо этого вытащила бланк лавки и ручкой дописала: «уточнение происхождения муниципального объекта».

Женщина кивнула. Муниципальное основание работало лучше магии.

Через двадцать минут на стол легли три карты и два потрёпанных тома указателей. Есения раскрыла первую карту. Линии рек, леса, дороги, условные знаки. Всё привычно.

На второй карте, более поздней, она увидела пустое пятно к северо-востоку от города. Не белое поле между лесами - аккуратный вычищенный участок, как ластиком вытерли кусок рисунка и потом тщательно закрасили фон.

Есения наклонилась ближе. По краю пятна шла просёлочная дорога, обрываясь внезапно, без развилки и без объяснения. Дороги так не рисуют. Их либо продолжают, либо завершают условным знаком.

Она открыла указатель. Между двумя названиями - «Ситняк» и «Сковороды» - нарушенная нумерация. Номер 248, потом сразу 250. Строка 249 отсутствовала, но отступ сохранился. Пустота с линейкой.

- Здравствуйте, - сказала Есения странице. - Вот вы где.

Она переписала номера листов, годы издания, шифры хранения. Рука работала автоматически, как раньше в архиве: дата, фонд, опись, дело, примечание.

К полудню попросила подшивку актов по переучёту населённых пунктов. Женщина за стойкой проверила каталог, потом посмотрела на Есению уже иначе - не строго, а чуть устало.

- Доступ ограничен.

- На каком основании?

- Для внутреннего пользования. По согласованию.

- С кем?

- С управлением.

Вежливо. Без грубости. Как в бухгалтерии.

Есения поблагодарила и села обратно. Через две минуты снова подошла.

- Тогда дайте, пожалуйста, карточку движения этого дела. Я хотя бы увижу, кто и когда его запрашивал.

Женщина замялась, потом достала узкий картонный формуляр. Дата выдачи, возврата, подписи. Последняя строка была закрыта корректором слишком аккуратно. Под белой полосой проступал хвост фамилии - «...еров».

Есения ничего не сказала. Только переписала номер формуляра.

На выходе из читального зала она достала телефон и написала бывшей коллеге из архива: «Нужна помощь по старым актам пересмотра границ. Есть кто живой в фондах?»

Ответ пришёл через час:

«Еся, не лезь. Там всё закрыто давно. И да, привет».

Коротко. Как «пока временная», только в профессиональном варианте.

Дождь усилился к трём. Есения села в трамвай обратно, держа в руках копию фрагмента карты - ту самую с вычищенным пятном и дорогой-обрывком. На остановке у вокзала трамвай дёрнулся, замедлился, и электронная табличка внутри мигнула. Вместо «Площадь Речного узла» на секунду высветилось «Сив...», последние буквы съела помеха, затем вернулось обычное название.

Есения вскочила, пытаясь достать телефон, но табличка уже была обычной, и пассажир в плаще недовольно буркнул: «Девушка, вы выходите или просто так».

К лавке она подошла вымокшая, злая и с тем бодрым отчаянием, которое бывает у архивистов, когда лагуна пахнет не теорией, а чужой рукой.

На ступеньке у двери сидела Смеяна. Пакет сухарей на коленях, телефон в руке шипит белым шумом, кроссовки мокрые до шнурков.

- Долго вы, - сказала она, не вставая. - Она уже третий раз звала.

Есения вставила ключ в замок.

- Кто «она»?

Смеяна пожала плечами.

- Да кто из них сегодня громче.

Глава 7. Смеяна шумит

Смеяна зашла в лавку так, будто это не магазин, а подъезд, в котором она выросла и успела поссориться с половиной соседей.

Пакет у неё шурушал без перерыва. Телефон на прилавке шипел белым шумом. В кармане щёлкал брелок. Через три минуты Есения поймала себя на мысли, что мечтает о пожарной сирене - просто потому что это был бы один, а не пять звуков сразу.

- Сделай тише.

Смеяна послушно убавила громкость на один деликатный миллиметр.

- Так?

- Это называется «издеваешься аккуратно».

Смеяна усмехнулась, но звук всё-таки убрала ещё.

Есения повесила мокрую куртку, разложила на столе копию карты и журнал.

- Теперь по делу. Откуда ты знаешь про приёмник?

- Я не знала про приёмник. Я знала, что у вас там... заедает.

- Что заедает?

Смеяна пожала плечами.

- Улицы. Воздух. Голова. Выбирайте.

Есения потеряла переносицу.

- Мне нужны конкретные слова.

- Это вам к Радиму. Он у вас по конкретным словам.

Есения резко подняла взгляд.

- С Радимом ты откуда знакома?

- Я с ним не знакома. Просто его фразы слышно за два квартала. Они квадратные.

Смеяна подцепила сухарь, раскусила и скривилась.

- Старые. Мягкие. Как ваши акты.

Есения, несмотря на раздражение, фыркнула.

- Ты пришла издеваться или помогать?

- Я пришла, потому что у вас тут слишком тихо, когда меня нет.

Она сказала это почти небрежно, глядя в сторону, и сразу добавила:

- И потому что вы сегодня в трамвае не ту остановку видели.

Есения застыла.

- Ты была в трамвае?

- Нет. Но он же орёт на весь город, когда путается.

- Кто «он»? Трамвай?

- Город, - сказала Смеяна и щёлкнула брелоком так быстро, будто проверяла пульс.

Есения достала «Рекорд», поставила на прилавок.

- Ладно. Слушаем вместе.

Приёмник долго шипел, перескакивая между станциями. Музыка девяностых, новости, реклама окон, снова шипение. Ни одного чёткого слова. На частоте, где обычно прорывалось знакомое название, был глухой звук, похожий на дыхание через воду.

Смеяна вдруг перестала жевать.

Телефон на секунду замолчал - батарейка села. В лавке повисла ровная, чистая пауза.

Батарея в подсобке сразу ударила один раз.

Смеяна вздрогнула так, будто её ткнули в спину. Пальцы лихорадочно полезли в карман за зарядкой, пакет зашурушал, брелок защёлкал.

- Не надо так, - сказала она быстро. - Не оставляйте пусто. Пусто плохо. Пусто липнет.

Есения посмотрела на неё внимательнее, но вывод сделала простой и неверный: напуганная городская девчонка играет в смелость.

- Тебя пугает железо?

- Меня пугает, когда все разом начинают шептаться, - огрызнулась Смеяна. - Железо хотя бы честное, оно стучит.

Есения машинально отметила фразу - как запись в протоколе - и вернулась к карте.

- Смотри. Здесь дорога обрывается. Тут вычищено. Мне нужен вход, не загадка.

Смеяна наклонилась, щурясь.

- Ищите не деревню.

- А что?

- Дорогу, которая стыдится, что довела.

Есения медленно закрыла глаза.

- С такими подсказками невозможно работать.

- С людьми тоже, - отрезала Смеяна. Потом смягчилась. - Ладно. Рядом с радиорынком есть старый стенд маршрутов. Не новый, железный, у киоска с семечками. Там иногда показывается лишняя ветка. Недолго.

Это уже звучало как рабочая зацепка.

Есения кивнула.

- Наконец-то человеческий язык.

Смеяна встала, затянула молнию на куртке и положила на прилавок маленький картонный прямоугольник - старый трамвайный билет, размокший, но читаемый.

На нём бледно виднелся номер маршрута, которого в текущей схеме не было.

- Нашла под сиденьем, - сказала Смеяна. - Или он меня нашёл. Неважно.

- Зачем мне это?

- Потому что вы всё равно полезете. - Она ухмыльнулась. - И потому что у вас лицо человека, который уже открыл папку и теперь будет злиться, пока не дочитает.

Смеяна ушла, громко хлопнув дверью, будто из уважения к собственной репутации.

Есения осталась в лавке одна. Поставила билет рядом с картой, выключила «Рекорд», поправила карточки на верёвке.

И только тогда заметила: после Смеяны не стало тише.

Просто исчез её шум - сухари, щелчки, телефон. А под ним проявился другой слой: гул труб, далёкий звон трамвая, дрожь стекла, дыхание дома.

Город под полом дышал размеренно и тяжело, как большой зверь, который не спит, но и не встаёт.

Есения взяла билет двумя пальцами, как вещественное доказательство, и убрала в прозрачный файл к карте.

Глава 8. Открытая строка

Есения открыла лавку на пятнадцать минут раньше и сразу села за стол оформлять дело так, как умела лучше всего - бумагой.

Карточка уценки № 17

Предмет: радиоприёмник «Рекорд», 1967 г.

Состояние: корпус с трещиной, ручка настройки заедает.

Причина уценки: неисправность звукового тракта, характер повторяющийся.

Примечание: выявлена связь с утраченного населённого пункта...

Ручка встала.

Чернила пошли рывком, оставив кляксу на слове «утраченного», будто бумага не приняла формулировку. Есения выругалась сквозь зубы, взяла новый бланк и переписала:

- ...с неподтверждённым наименованием населённого пункта.

Строка легла ровно.

- Понятно, - сказала она. - Даже карточка придирается к терминологии.

В графе «Настоящая цена» она оставила пока пусто.

На прилавке лежали копия карты, трамвайный билет от Смеяны и выписка из указателя с провалом в нумерации.

Колокольчик звякнул. В дверях стоял Радим Шеров, как будто его принёс утренний сквозняк вместе с запахом мокрого железа.

- Вы рано, - сказал он.

- Вы тоже.

Он снял перчатки, посмотрел на стол.

- Вы начали фиксировать.

- Работа у меня такая.

- Не всё нужно фиксировать в открытом контуре.

Есения хмыкнула.

- Опять процедура?

- Порядок обращения.

- С чем именно? С радиопомехами?

- С изъётыми наименованиями.

Фраза прозвучала слишком точно. Есения подняла взгляд.

- Значит, изъётыми.

Радим понял, что сказал лишнее, и сразу отступил в нейтральный тон.

- Некоторые названия убирают не случайно.

- Кто убирает?

- Неважно.

- Для меня - важно.

Он посмотрел на карту.

- Открытая строка опаснее закрытого дела.

- Красиво. Непонятно. И очень удобно.

Радим взял выписку, провёл пальцем по сбитой нумерации.

- Где получили?

- В читальном зале.

- Кто выдал?

- Вы сейчас угрожаете библиотекарю или уточняете методику?

- Я пытаюсь понять масштаб.

Есения подалась вперёд.

- Хорошо. Тогда мой вопрос. Откуда вы знаете, что там не было свидетелей?

Радим замер на полсекунды.

- Я такого не говорил.

- Говорили вчера. И сегодня сказали «изъятые». А ещё на карточке движения дела у вас хвост фамилии под корректором.

Он медленно выдохнул.

- Вам не нужно туда.

- Мне уже «не нужно» говорили. Обычно перед тем, как подписать что-то за меня.

Радим сжал губы. В этот момент в лавку вошла пожилая женщина в светлом плаще с хозяйственной сумкой.

- Девочки, у вас рамки для фото есть? Мне под внука.

Есения тут же сменила тон.

- Есть. Проходите, я покажу.

Женщина пошла к стеллажу, прищурилась на ценники.

- Эх, раньше на ярмарке дешевле было. На... как её...

Она вдруг споткнулась о собственную фразу и посмотрела в потолок.

- На какой? - тихо спросила Есения, не давя.

- Да у нас тут рядом была... не рядом... за логом... Мать ругалась, что молоко там киснет в тот же день. - Женщина нахмурилась. - Сивер... нет, не помню. Чепуха какая.

Радим резко шагнул ближе.

- Не нужно продолжать.

Есения бросила на него взгляд, от которого бумага могла бы загореться.

- Мы не допрашиваем. Мы выбираем рамку.

Женщина смущённо улыбнулась.

- Ой, простите. Старость. Я за рамкой пришла, а не за рассказами.

- Всё нормально, - мягко сказала Есения. - Какую вам? Дерево или пластик?

Пока она оформляла покупку, женщина, словно между делом, добавила:

- Остановка там была... Ольховый лог. Вот. Я оттуда в училище ездила. А сейчас нет такой. Перенесли, наверное.

Есения аккуратно записала на обороте товарного чека: «Ольховый лог - старая остановка».

Женщина ушла с рамкой и сдачей, благодарная за то, что с неё не вытряхивали прошлое.

Как только дверь закрылась, Радим сказал очень тихо:

- Теперь поздно списывать как помеху.

- Я и не собиралась.

Он посмотрел на неё устало, почти зло - не на неё лично, а на ситуацию, которая повторяется хуже старой травмы.

- Вам нужен архивный акт.

- А вы, конечно, знаете где он.

- Знаю.

- И?

- И именно поэтому не должен был сюда приходить.

Он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок и положил рядом с картой.

На листке была одна строка, написанная печатными буквами:

Фонд 43, опись 2, дело 97-б.

Ни подписи. Ни пояснения.

Радим надел перчатки.

- Если пойдёте в квартал, не называйте цель на входе. Просите «материалы по дорожной сети». И не ходите одна вечером.

- Это забота или процедура?

- В вашем случае - одно и то же.

Он ушёл так же тихо, как приходил.

Есения ещё минуту стояла, глядя на дверь. Потом села, взяла карточку «Рекорда» и, почти не думая, дописала внизу:

Настоящая цена: тот, кто скажет, что дорога была.

Чернила легли ровно. Ни рывка, ни кляксы.

За окном прошёл трамвай. На мокром стекле дрогнул отражённый маршрут.

Есения сложила карту, билет, номер дела и чек с «Ольховым логом» в одну папку.

На корешке написала:

СИВЕРГА. ПЕРВЫЙ СЛЕД.

И только потом поняла, что впервые за долгое время написала слово не чтобы отбиться, а чтобы дойти до конца.

Глава 9. Дело 97-б

Утром Есения пришла к лавке раньше, чем обычно, и долго стояла под козырьком, пока с него капало на воротник.

На двери висела табличка «Открыто», но она не спешила переворачивать ключ. Внутри ждали касса, чайник, карточки на верёвке и очень простая жизнь, которую она обещала себе после архива. В папке под мышкой лежали карта, билет, чек, выписка, номер дела - и это уже была не простая жизнь.

Она открыла дверь, зашла, включила свет, быстро написала на листке «Откроюсь с 12:30. Техперерыв», прилепила снаружи и заперла снова.

- Поздравляю, - сказала она пустому залу. - Ты снова человек, который объясняет людям, почему у них сегодня не по графику.

Под кассой соль лежала серой дугой только с левой стороны банки. Есения отметила это краем глаза, но не остановилась. Времени было мало, и она не собиралась обсуждать с солью кадровые решения.

Архивный квартал встретил её мокрым кирпичом, решётками на окнах первого этажа и запахом дешёвого кофе из автомата, который стоял в проходе между корпусами и гудел, как маленькая подстанция. Люди с папками входили и выходили молча, прижимая документы к груди так, будто это проездные.

На табличке у входа значилось: «Городской документальный центр. Приём посетителей по записи». Под табличкой, на скотче, висела бумажка: «Технический сбой турникета. Проход через пост охраны».

Охранник попросил паспорт и цель посещения.

Есения, не мигая, сказала:

- Материалы по дорожной сети северо-восточного направления. Уточнение происхождения муниципального объекта и связанных маршрутов.

Охранник поднял глаза вверх журнала.

- Долго готовились?

- Работа такая.

- Подпись здесь.

Она расписалась, прошла в читальный зал, сдала куртку и получила карточку посетителя с номером 214.

За стойкой выдачи сидела женщина в бежевом жилете и очках на цепочке. Лицо доброжелательное, голос нейтральный до стерильности.

- Ваш запрос?

Есения протянула заполненный бланк.

Женщина прочитала, отметила что-то в системе и сказала:

- По вашему направлению будет сформирована подборка. Дело 97-б в открытой выдаче отсутствует.

- Я его не просила, - соврала Есения легко и неприятно себе самой.

Женщина кивнула:

- Тем лучше. Подождите.

Через двадцать минут ей принесли серую папку с наклейкой «Транспортный контур. Северо-восток». Внутри - копии схем, опись, карточка движения, две ведомости и лист с печатью «Приложение отсутствует».

Самого дела 97-б не было.

Есения аккуратно разложила листы. На карточке движения даты стояли плотной колонкой. Несколько выдач за последние годы - слишком много для скучной дорожной сети.

Строка 1: Устина Савельевна К., отдел приёмки списанного имущества.

Строка 2: Шеров Р. Г., служебный просмотр.

Строка 3: закрыта корректором от начала до конца.

Строка 4: подпись неразборчива, дата без года.

Она провела ногтем по белой полосе корректора. Край шелушился. Под ним тенью угаявалась буква «К», потом пустота.

На полях одного листа была короткая пометка карандашом: «Привязка к остановке ликвидации. Основание в 97-б».

Есения достала блокнот и написала сверху: «С...». Ручка скрипнула и оставила бледный след, будто в стержне кончились чернила.

Она чертыхнулась, проверила на черновике - там писало отлично.

Тогда она вывела: «дорожная сеть северо-восточного направления».

Линия легла ровно, густо.

- Хорошо, - прошептала она. - Будем играть в вашу бюрократическую стыдливость.

В описи нашлась строка:

«Остановка Ольховый лог. Перенос/ликвидация. Приложение отсутствует».

Рядом в графе «основание» стоял код «97-б/доп.3».

Дополнение отсутствовало.

Есения попросила у сотрудницы карандаш для кальки. Та удивилась, но дала.

Есения приложила лист под опись и мягко прошлась грифелем по месту, где раньше, судя по вмятине, был скреплён другой документ. На бумаге проступили слабые вдавленные буквы.

...ВЕРГА

Она остановилась, опустила карандаш и почувствовала, как ладони становятся холодными.

Не помеха.

Не «кажется».

Не усталость.

Перед ней лежало первое твёрдое доказательство, только в форме, которую удобно не замечать.

В батарее под окном, где давно не должно было быть тепла, щёлкнуло железо. Один сухой удар - как подпись в конце листа.

Есения закрыла папку, отдала на стойку и попросила оформить повторный запрос «по ликвидации остановочных пунктов».

- На сегодня время выдачи заканчивается, - сказала женщина в жилете.

- Я приду завтра.

- Оставьте тему.

- Материалы по дорожной сети.

Женщина кивнула. Вежливо. Холодно.

Когда Есения выходила через пост охраны, турникет пискнул не обычным коротким звуком, а глухим двойным. Охранник посмотрел на монитор, потом на неё.

- Система иногда путает выход и вход, - сказал он.

- Удобно, - ответила Есения.

На улице дождь стал мельче. Она шла к трамваю и чувствовала папку под курткой так, будто несла не бумагу, а то, что у бумаги забрали.

Глава 10. Ольховый лог

Из архива Есения не поехала в лавку. Повернула к радиорынку, где всегда пахло мокрым металлом, жареным тестом и паяльником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.